

братьев виру не заплатили. Если я и поступил плохо, то со мной тоже обошлись круто.

– Я не спрашиваю тебя, – говорит Амунди, – заплатил ли ты за них виру или нет, я знаю, что вы помирились. Я спрашиваю тебя, какую виру ты заплатишь мне.

– Никакой, – отвечает Лютинг.

– Я не понимаю, – говорит Амунди, – как бог допускает это. Ведь ты поразил меня в самое сердце. Я могу сказать тебе, что если бы у меня оба глаза были зрячие, то я либо заставил бы тебя заплатить виру за моего отца, либо отомстил за него. Теперь же пусть судит нас бог!

После этого он вышел. Но когда он проходил через дверь палатки, он обернулся назад. Тут он прозрел. Он сказал:

– Хвала господу! Теперь я вижу, чего он хочет.

Затем он вбежал в палатку, подбежал к Лютингу и ударил его секирой по голове, так, что секира вошла по самый обух, и потом рванул секиру на себя. Лютинг упал ничком и тут же умер.

Амунди пошел к дверям палатки, и как только он дошел до того самого места, где он прозрел, глаза его сомкнулись снова, и с тех пор он оставался слепым всю свою жизнь. После этого он велел отвести себя к Ньялю и его сыновьям. Он рассказал им об убийстве Лютинга.

– Нельзя тебя винить, – говорит Ньяль, – потому что это было неминуемо. И это будет наукой для тех, кто отказывает в возмещении имеющим на него полное право.

Затем Ньяль предложил примирение родичам Лютинга. Хаскульд Хвитанесгоди уговорил родичей Лютинга принять виру. Дело было передано на суд, и была назначена половинная вира, потому что требование Амунди было найдено справедливым. После этого перешли к клятвам, и родичи Лютинга дали Амунди клятву в том, что они будут соблюдать мир. Люди разъехались с тинга по домам. И некоторое время все было спокойно.

СVII

Вальгард Серый вернулся в Исландию. Он был язычником. Он отправился в Хов, к своему сыну Марду, и пробыл там зиму. Он сказал Марду:

– Я много ездил по нашей округе, и я ее не узнаю. Я поехал на Хвитанес и увидел, что там построено много стен для палаток и место неузнаваемо. Я поехал также на тинг в Тингскаларе, и там я увидел, что все стены нашей палатки разрушены. Что значит все это кощунство?

Мард ответил:

– Тут учреждены новые годорды и Пятый суд. Народ вышел из моего годорда и вошел в годорд Хаскульда.

Вальгард сказал:

– Плохо ты отблагодарил меня за годорд, который я дал тебе. Ты не вел себя так, как подобает мужчине. Я хочу, чтобы ты отплатил им, погубив их всех. А для этого натрави их друг на друга, пустив в ход клевету, чтобы сыновья Ньяля убили Хаскульда. Многие захотят отомстить за него, и тут сыновей Ньяля убьют.

– Мне не суметь этого, – отвечает Мард.

– Я помогу советом, – говорит Вальгард. – Ты пригласишь сыновей Ньяля и отпустишь их с подарками. Порочащие слухи ты станешь распускать тогда, когда дружба ваша станет такой тесной, что они будут верить тебе не меньше, чем себе. Тогда ты сможешь отомстить Скарнхедину за то, что он присвоил твои деньги после смерти Гуннара. Ты снова станешь полноправным годи, только когда никого из них не будет в живых.

Они порешили так и сделать.

Мард сказал:

– Я бы хотел, отец, чтобы ты крестился. Ты ведь стар.

– Не хочу, – ответил Вальгард. – А вот мне бы хотелось, чтобы ты оставил новую веру, и мы бы посмотрели, что из этого выйдет.

Мард сказал, что он этого не сделает. Вальгард сломал Марду крест и все святые знаки. Тут Вальгард заболел и умер, и его похоронили в кургане.

СVIII

Немного погодя Мард поехал в Бергторсхваль и встретился со Скарпхедином и его братьями.